

САНДЖАР ЖИШЕВ / ПЕРЕВЕРНУТЬ
В ПАРАДОКСАЛЬНОЕ / ВЛАДИМИР БУЕВ

книга стихотворений

18+

Владимир Був
Санджар Яньшев

Перевернуть в парадоксальное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70303972

SelfPub; 2024

Аннотация

Сам автор называет свои тексты пародиями, но это скорее рефлексия на чужие стихи. И она вполне оправдана. Топливо, которое приводит в движение механизм создания нового стихотворения, есть ни что иное, как поэтическая энергия. И Владимир Був, являясь своего рода творческим индикатором, своими откликами на отдельного автора безошибочно указывает – в этом источнике она есть.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ОТ АВТОРА	6
СТИХИ И ПАРОДИИ/ОТКЛИКИ	8

Владимир Буев, Санджар Янышев Перевернуть в парадоксальное

ПРЕДИСЛОВИЕ

Владимир Буев появился в литературных салонах Москвы несколько лет назад – посещал презентации, творческие вечера, круглые столы. Он работает в сфере предпринимательства и финансов, поэзией ранее не интересовался, но внезапно, слушая стихи современных поэтов, ощутил в себе потребность откликаться на их произведения собственными стихами.

Сам он называет свои тексты пародиями, но это скорее рефлексия на чужие стихи. И она вполне оправдана. Топливо, которое приводит в движение механизм создания нового стихотворения, есть ни что иное, как поэтическая энергия. И Владимир Буев, являясь своего рода творческим индикатором, своими откликами на отдельного автора безошибочно указывает – в этом источнике она есть.

Современное литературное сообщество сегодня испыты-

вает большой кризис – авторы лишены читательского внимания, рецензий на свои книги, критических и литературоведческих замечаний. И потому такие активные читатели, как Владимир Бувев, сегодня на вес золота. За несколько лет пристального внимания к современной поэзии Владимир Бувев опубликовал свои подборки в «Литературной газете», «Литературной России», газете «Истоки», журналах «Вторник», «ЛитеRRa Nova», «Камертон», на электронных порталах «Articulationproject.net» и «Textura.club», в альманахах «Vita» и «Ликбез». А откликов на любимых поэтов хватило на полноценный сборник. Эта книга – своего рода эксперимент, новая форма рефлексии нелитературного человека на литературное произведение.

ОТ АВТОРА

Всего несколько лет назад случилось маленькое предновогоднее чудо. До боя кремлёвских курантов оставалась ещё неделя или полторы, а я уже сидел или лежал на диване перед камином за городом и по совершеннейшей случайности читал стихи студенческого друга Миши Гундарина. Или...

Хотя скорей всего не Миши, а Ани (Ганны) Шевченко. За что-то зацепился, вдохновился – и в голову вдруг полез... назовём это «откликом». Сначала хотел тоже назвать получившийся «творческий продукт» стихами, но, чтобы не задаваться, остановился на определении «пародия». Хотя и пародиями это не называется. Жанр до сих пор определить не могу, поэтому пока называю «ответками», «откликом», «отзвуком», «отблеском» или «перекличкой» (поэтической). Но и... пародиями – в первую очередь. Да-да, а как же иначе (улыбающийся смайлик)?

На стихи Миши Гундарина, а затем и на творчество Ганны Шевченко (вернее, в обратном порядке) за несколько месяцев я написал и частично опубликовал уже много «ответок». С согласия авторов, ибо для пародирования брал оригинальные стихи целиком, а не их отдельные строки. Чтобы не нарушать авторские права, публикуя в связке и полный оригинал, и «пародию», требуется непротивление злу насилием.

Потом случилось ещё одно «маленькое чудо» – на этот раз

далеко постновогоднее.

В библиотеке Чехова, что на Страстном бульваре в Москве, по окончании одного из литературных вечеров с названием «На двоих», на котором читали свои стихи Санджар Янышев и Сергей Золотарёв, спросил у обоих:

– Можно?

Ответ и Санджара, и Сергея был одинаков:

– Можно.

...Этот сборник – как раз то, что получилось у нас с Санджаром. Вернее, у меня на его стихи.

Санджар без преувеличения и тени иронии – один из самых интересных и глубоких современных русскоязычных поэтов. Скажу больше, на мой взгляд, он – ведущий русскоязычный поэт метамодерна, хотя до сих пор никто не дал вменяемого определения, что же такое метамодернизм. Но термин мне нравится. Во-первых, это красиво...

А во-вторых... и тут я категорически не согласен с мнением Владимира Володина, автора практически всех предисловий к моим книжкам. Стихи Санджара прекрасны и с точки зрения их оригинальности, и с точки зрения того, какие глубокие гуманитарные/исторические/филологические пласты (мудрость предшественников: отцов и дедов) в них сокрыты/зашифрованы.

СТИХИ И ПАРОДИИ/ОТКЛИКИ

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Во мне шевелится янтарь
сухих платановых волокон.
И сразу – новая деталь:
гематоген больничных окон,

минтай бескостный, тубус-кварц,
фигурки в пате, как опята,
и собеседник – Розенкранц
ли, Гильденстерн в пижамке мятой —

мне в печень самую проник.
Он рот полощет марганцовкой
и ложкой чайною язык
скребёт, чтобы звончей им цокать.

– Переходи! – хриплю в ответ...
Но чувствую: сейчас наверно
весь этот жёлто-красный цвет
тебе исторгну на колена.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Я жемчуг, раковины сын.

Белок, однако, шевелится
во мне. Поймёт ли врач-акын,
что марганцовка не годится?

Минтай пусть ложкой как скребком
из ёмкости достать не сложно,
но жемчуг – проще молотком.
От этой мысли мне тревожно.

Вдруг понимаю, что не врач
передо мной, во мне – не жемчуг.
В палате я, но не палач
передо мной. Кто ж? Проповедник?
То ль из Шекспира собеседник,
а то ль из Стоппарда болтун
то ль мягко перелез поребрик,
а то ль в ребро вонзил перун.

Там, где Шекспир взошёл на сцену,
там пафоса не избежать,
там можно преклонять колена.
...Но на колени – исторгать.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Из книги «Офорты Орфея»

Если мне ребячество позволит
Кольчатый понюхать этот срез —
Бог не выдаст, каланча не взвоят,
Сад не рухнет, саранча не съест...

Вот и ты навек туда вселилась.
Твой прописан в нём воздушный код.
И в какую б сторону ни длились
Время и пространство – мне легко

Повернуть их вспять таким нехитрым
Образом; и сколько бы я впредь
Ни любил – всё тем же хвойным спиртом
Будет воздух меж колец гореть.

И твоя в нём верная, как верба,
Часть – у обонятельных вершин.
Ты во мне так много опровергла.
Только он и неопровержим.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Лишку перебрал. Ну, что ж бывает.
На природе много плюсов есть.
Не в салат лицо моё ныряет,
А в срез дерева, прошу учесть.

С перегаром тяжкое дыханье
Не покроет дымкой оливье.
И пьянящее благоуханье
Спирта затеряется в смолье.

Что случилось? Дерево сломалось?
Сад порушен? И часовню я
Развалил, в ногах чтоб не мешалась?
Весь мой рот заполнила хвоя?

Скоро ты убытки подсчитаешь?
В чём моя вина? Ты в сад пошла —
Я вслед за тобой. Опровергаешь?
Где же ты? Ведь только что была.

Только что двоилось и троилось,
А теперь в пространстве никого.
Время убежало? Ты приснилась?
Хмель своё закончил озорство?

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

И что же стало с человеком?
Он в год не написал два слова.

Про мурашей на штукатурке,
как бы нанизанных на нитку
(вам путь к моим глазам заказан
покамест. Я умру в Рангуне
или на мушьей Танганьике;
туда – уже теперь – начните...);
про птичий сор, и сор из юрты,
и злополучную виньетку...
Про сон увиденный, забытый
и вновь увиденный про волос
в косе, в вагоне, на запястье;
про запах выменной закваски
для роста нан-патыр в духовке,
для жеребёночка, для ножек
и родничка на детской грядке...
И многое ещё такое,
о чём ни «бэ», ни «мэ» – не надо...
Что стало с этим человеком?
Он ходит вверх и вниз, как цапель,
нет – журавель. Он дует, дует
на это выспанное место —
единожды обжегшись, словом...

ВЛАДИМИР БУЕВ

Так что же стало с человеком?
С утра звучал он очень гордо,

И вот те на! Забыл стамеску,
чтоб на доске послать всех в небо.
А были времена крутые,
когда сто раз на дню в высоты
он слал всех тех же, что раньше.
На том за сутки набиралось.
На том и сутки завершались.
Вот был пацан – и вдруг не стало.
Так нет же! Нанижу на нитку!
На штукатурке начертаю!
Стамеску вновь к доске приставлю.
И всё подряд язык мой скажет,
что голова ему прикажет,
что первым в памяти взметнётся.
Рангун и мушью Танганьйку,
и птичий сор, и сор из юрты,
и злополучную виньетку —
всё это в стих мой стройно ляжет.
Или по стойке встанет смирно.
Мои слова всех обжигают,
как раскалённая духовка,
в которой нан-патыр печётся.
... Что случилось с гордым человеком?
Я словом жгу моря и земли.
Я как порок восстал и вижу.
Язык мой грешный, где ты, где ты?

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Снова мои братья дождевые
Вышли на дорогу подышать.
В их подзорные, раздвижные
Лёгкие весь майский купол сжат.

Чем рассвет – забиты виноградом
Поры их жилищ. Чем белый день —
Каждый первый кажется мне братом
Каждому второму из людей.

Путь на электричку. Что мне в малых
Сих? Куда важнее без тебя
Лето, что набрякло, словно манна,
И вот-вот прорвёт купель тепла...

Но: не также ль, выйдя на дорогу,
Выверяю прямоту угла,
Чтоб стрела, вернув себя истоку,
Точка в точку поразить нашла?..

Потому, целуя, – ни настолько
Вот не жмурюсь, что, живя в упор,

Сам двоякодышащий, а то и
Боле – по числу открытых пор.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Вывожу я на прогулку разом
Полную симметрию свою:
Две ноги, руки две и два глаза,
Две ноздри, два лёгких – все в строю.

Иногда отдельно вывожу я
Лёгкие на воздух подышать:
Руки-ноги (тут я интригую)
Дома остаются полежать.

А бывает: подниму я ногу,
Только собираясь погулять,
Лёгкие выходят на дорогу
Даже без меня пощеголять.

Там уж кучи братьев их любезных,
Правых, левых, собрались на сход.
Купол майский солнечный небесный
Лёгкие весь взяли в оборот.

Ноги – в руки, и вдогонку пульей,
Выверяя прямоту угла.

Дело было летом, да, в июле,
Потому вокруг купель тепла.

То ль за лёгкими лечу без слуха,
То ль за электричкой, как стрела.
Вспоминаю только, что два уха
Не водил с утра под купола.

И стрела моя, вернув к истоку
Тело симметричное моё,
Унесёт со столбовой дороги
Руки-ноги в тесное жильё.

Как двоякодышащий (две ноздри),
Я без лёгких не могу прожить.
Тело в порях: где врачи? медсёстры?
Не дождётесь! Рано хоронить!

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Такие есть слова, чье внутреннее чудо
обходится без букв, лепящихся извне,
которым, дальних тел кровиночку почуя,
бы смыслом подарить, присяжным новизне:

Маслинные глаза, расплеснутое утро...

А сами-то глаза?.. а сумерек бульон?..

Но свет, что льет и льет в запахнутую юрту,
он остается в ней – как шахматы её.

Нет, я мягчу слова – и тенью налитые,
и зноем; что темны, как плод, – а налегке!

Уколешься таким, лимона или дыни
потянешь черенок и – перышко в руке.

В них видишь свой итог – и в них зерно лечёбы
находишь всякий раз, когда, как воск, течёт
окрестная листва... Слова такие – пчёлы.
И кожа. И земля. И дерево. И мёд.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Послушаешь иных – изыскана словесность:
ласкает ухо мат и слово-паразит.

Любезностью ответишь честно на любезность —
кулак твой глаз и нос мгновенно поразит.

Под глазом синячок, кровиночка из носа.
Маслинные глаза, расплюснутый рассвет.
В совхозе я сейчас? Иль на полях колхоза?
Или степной народ из юрты шлёт привет?

С тех пор мягчу Слова, держусь теперь канона,
а чудо для меня – как можно меньше слов,
где нет ни пчёл, ни игл, ни кислого лимона.
В молчании таится золото веков.

Зажму перо в руке. К чему теперь слова?
(И кожа. И земля. И дерево. И мёд).
Все с детства знают их, на ноги встав едва.
...Но не могу молчать, и речь моя течёт.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Ода симметрии. Из книги «Офорты Орфея»

Помнишь, я маятник пел, постигал?..

Время струиться – и время треножиться.

К этим матрёшкам, картам, стихам

ты уже, кажется, не относишься.

Тайные счетоводы земли

волос исчислили, голос измерили.

Из дирижаблевых недр извлекли

корень симметрии.

Мир равновесием сбит, укреплён,
словно плотина бобровым цветением.

Руки и ноги, как стержни времён,
равно от солнечного сплетения

удалены; и в количестве двух —
трон лицезрения, дёрн лицемерия.
Эта строфа, её буква и дух —
имя симметрии.

Что ж, и твой берег (прости и спаси!),
беличье, самочье в хвое и цинне,
власть бурых крапин в царстве росы —
тоже на попечение Цифре?..

Поздно. В мой разочарованный Сад
вышло бесформенное, бессмертное
небо – отверстое тысячью крат
эхо симметрии.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Гимн всему

Помнишь? Тебе всё казалось, я ел
Маятник (мол, всё жевал да жевал).
Я между тем этот маятник пел
Иль подпевал ему – мир постигал.

Корень ли это в лексеме «симметрия»

(Чтобы морфемным разбором утешиться)
Корня ль симметрия в тригонометрии —
Сущность не всякому глазу прорежется.

Буквы, слова – всё теперь неземное.
Строфами, цифрами в дупель упиться.
Но закулисье потом мировое
Эхом симметрий не даст насладиться.

То дирижабль прилетит, то из недр
Вырвется бобр, плотиной побитый.
То руки-ноги порубят, как кедр,
То вдруг появится мастер маститый.

Тот, кто по тронам и дёрнам искусник,
Пишущий код на раз-два виртуозник.
Цифра рулит – всем пророкам союзник.
Для виртуозника нужен колхозник.

Вот он, баланс, вот симметрия в жизни.
Если есть Сад, то и саду есть место.
Карты, стихи и матрёшки сюрпризы.
Небо и космос – и тут палимпсесты.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Два утешения

Гори, моя листва. Бежи в тупик, строка.
Тебе, увы, не всё едино, чья рука.
Терпи, совсем не боль. И лучшая финаль:
Когда опять пуста, когда чиста скрижаль.

Ведь на худой конец – сколь ни были темны —
Вот этот тёмный лес, вот эту Книгу мы
В таком порядке честь сумеем – и хранить, —
Какой запечатлён на уголках страниц.

Ведь цифра нас ведёт логических загад —
Верней, чем эхолот. Смиренней, чем талант.
И нет у этих тел иных, чем эти, душ.
А ты всю жизнь был тем, к чему всю жизнь идёшь.

ВЛАДИМИР БУЕВ

О счастье

Как было б хорошо, когда бы поутру
Пришла на ум строка, вдруг вылившись в строфу!
Но вот скрижал пустой (истории анналь).
Чем резче боль, тем чище и светлей печаль.

Страницам тёмных книг потребно отдавать
Заслуженную честь. Прелестниц убеждать
И офицеров – все страницы книг прочесть
(Страниц пусть даже по порядку там не счесть).

Уж если цифирить, то и нумеровать.
Ведь смысл в тебе такой, какой сумел впитать.
Проснулся поутру – строка легла в строфу.
Скрижал, анналь, финаль рядком стоят в шкафу.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

но эта сложность вдруг наверное
становится благоволением
к такому существу в ком энное
оказывается – последнее

к такому свету чьё создание
любому языку – обратное
как мы меняем состояние
из птичьего в листообразное

ВЛАДИМИР БУЕВ

святая простота в конечности

знак бесконечность – просветление
порывы оказаться в вечности
похвальны как пустое рвение

перевернуть в парадоксальное
летать и ползать – всё единое
метаморфозы – то нормальное
из соколиного в ужиное.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Цвета. Рыжий. Из книги «Офорты Орфея»

Мне нужно выговориться – вот что.

По направленью к красному. Осени, октябрю.

Причём, любому – в Ташкенте, Болдине, Вокше.

Ведь цвет важней, чем то, что я говорю.

Мне нет пути к пылающим мачтам, крышам
Лиссабона, кошенильной Флоренции, облакам
черепичной Праги – и днём не упиться рыжим,
не выжать с волос, не выстлать к твоим ногам.

Но есть (клянусь!) в тебе самой это чудо;
точнее, его предчувство – шиповник и склон
в разломах магмы. К примеру, внутри ночуя

у Вяза, не листьями дышишь – корой, как и он

сжимался тому лет... в детстве. И через кожу гранатовый мозг сочится (или рассвет?).

Так вот, а теперь зажмурься, сумняся ничтоже —
ты это дерево.

Внутри тебя этот цвет.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Кострами развиваясь красными,
пожухлая в осенний октябрь расцвела листва.
Связь цвета с городом – аллюзии бессвязные
на первый взгляд. А на второй – слова

звучат и пишутся лишь те, что лезут в выси
и к старине Европы, но лишь южной, где есть солнце.
Ну, в крайнем случае срединной (куда по визе).
В Европу прорублю всё равно оконце!

Там столько есть деревьев с цветом красного
(в Европе мне нет другой причины побывать).
Ещё там магма есть: Помпеи безопасные.
Здесь можно полежать и о свободе помечтать.

А, впрочем, Вокша, Москва и Ташкент
и даже Болдино сумеют покраснеть, когда

я лягу там под деревом любим: эксперимент
чтоб ты из древа вытекла цветом, а не вода.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Мне бы лёгкости взять для восхода —
Не у бабочки и самолёта,
Не в листве выходного дня,
А в твоём основанье, Природа,
В тёмном царстве, где нет огня,
Где ни воздуха, ни меня...

Только тут и простор для веры —
Я хочу быть понятым верно —
Только тут и гнездится бог-
Экстраверт: между мной и прошлым,
Сном и памятью, меньшим – большим,
Кем угодно – самим собой.

Я хочу быть понятым. Точка.
На хрена мне другая боль?
Время есть во все стороны то, что
Разбегается из одной
Тьмы-потьмы. Вот на сём и встану,
Прикормив губам своим стаю

Новых звуков, листвы иной,
Точно вёшенка, обрастая
Выраженьем икры земной...
Ни мечты, ни вины, ни скорби —
Лишь змея в запаянной колбе,
Как молчания перегной.

ВЛАДИМИР БУЕВ

О, Природа, ты вакуум-Тартар,
Где нет воздуха, мрак где в стандарте.
Все титаны внутри тебя
Каждый день начинают с фальстарта,
С воем в медные двери долбя
И в детей своих матом лепя.

Этот Тартар – под царством Аида.
Кто попался, о том панихиду
Можно спеть. Помолившись, забыть,
Пусть там Боги живые, их много.
И все вместе есть я – эпилога
Нет во мне, как и нету пролога.

Больно всем. И титанам не меньше.
Больше! Боги они из древнейших.
И они, повторяюсь, – это я.

Бездна мрака – как тень некролога.
Сон иль явь? День иль ночь? Безнадёга.
Боль лицо моё делает строгим.

Замолчать, перегнивши змеёй?
Запаяться ли в колбе со спиртом
(Вдруг получше там, чем под землёй)?
В декаданс ли пуститься по треку,
Что Серебряным прозван был веком?
...Иль над миром встать новой зарёй?

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Мой слог, мой голос, воспалённый
язык – последний мой причал!
Родных наречий отлучённый,
внимаю собственным речам.

Тот свет, который населён был
мною, словно шорохом – сквозняк, —
так будто выпавшая пломба,
теперь отделен от меня.

И боль, что медная кольчуга,
уже не давит сердце мне,

оббивши тело, словно чудо,
разлитое по всей земле.

И чем ты дальше, тем разменней
твои стихийные черты...

Но застрахована от тленья
душа, и в той же мере – ты.

.....

А нить, что связывала прежде
мой сон с пучком твоей зари,
теперь на чьей-нибудь одежде,
как волос в лампочке, горит.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Я перед зеркалом оратор:
рука – вперёд к грядущим снам.
Я Ленин, я и литератор —
внимаю собственным речам.

Язык мой мне не враг заклятый.
Язык в обоих смыслах слов.
Не вырвет супостат мохнатый
язык из двух рядов зубов.

Какая речь! Какие перья!
Осанка какова! Носок!

Да не носок, что перед дверью,
а на лице, как и роток.

А что за голос! Просто диво!
Я речь толкаю – я рублю!
Вдруг море вздуется бурливо,
чтоб поклониться королю.

О чём бишь я? Да я люблю же!
Не самого себя – тебя!
Ты зорька алая на суше,
я в море прыгнул, затупя.

Она молила и просила,
подстраховаться мне пришлось,
ведь ты меня всегда гасила,
я и пошёл слегка вразнос.

.....

Ты уличила. Героиня!
я повинился, ты – душа!
Бессмертна всякая Богиня,
но мне не надо шалаша.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Тет-а-тет. Из «Сюиты для голоса и слуха»

Женщина спит, ей положено спать.
Мы на доске расставляем фигуры.
Чай адмиральский, коньяк и сигары.
Женщина спит, ей положено спать.

В каждом из нас жил точильщик ножей.
Мы не любили его, и отныне
мы влюблены в эти штучки резные.
Мы влюблены, мы не точим ножей.

Мы истребили все до одного
дни. Мы от альфы прошли до омеги.
Женщина сквозь непрозрачные веки
Ждёт одного из нас. Ждёт одного.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Терпение

Женщина то ли молчит, то ли спит.
Ей так положено, ей там и место.
И феминизма дурным манифестам
Выдан Востоком не будет кредит.

Шахматы – Индия, позже – Иран.
Позже – арабы. Всё это Восток.
Женщина знает её уголок,

Если к супругу явился дружбан.

В шахматы если играют они
Где-то вне дома в пространстве чужом,
Тоже сидеть на диване тишком
Женщине следует, как ни крути.

Ждать своего мужика-игрока
И обсуждателя дел мировых —
То же, что мешкать у рифов морских
С верой в погоду как в дар шутника.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Город в пустыне

Я распознал тебя: однажды
торговым рядом
ты стрекотал, как язва, нажит,
как сум, припрятан
в невытрясаемых пожитках,
узлах и тарах
восточной женщины... Скажи-ка:
а ведь недаром
вагон бубнил мне, что подстрочник:
ночь, Кызылкумы... —

О том, как пучит позвоночник
в пути твой кумыс.

Ты подстерёг меня, чтоб, выйдя
со сна в твой облак,
я сверил, как степной Овидий,
с пустыней область
парного дня, земных потужий
конечный логос:
там, в вышних волостях, где лужи
берут в свой locus
гусиным смазанный, как пристань,
стручковый перец, —
уже ощищенный, расхристан
археоптерикс.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Город-красавец

Наверно, город Учкудуком
такой зовётся.
Там нету римских акведуков —
есть три колодца.
И Кызылкумы – Учкудука
верный признак.
Забыть попробуй песню, ну-ка,
про город-призрак.

Про град, который средь пустыни
возник в Союзе

Про град-красавец, что стал витриной
и данью музе.

Про город сказок, пустых иллюзий,
советских мифов.

Про град сегодняшних аллюзий
и Сизифов.

Возникший город удивил
саму природу.

Я, как Овидий, граду мил
и в непогоду.

А что на самом деле город
представляет?

Ураном с золотом поборот.
Умирает.

С генетикой бороться
сил не хватит.

Пока уран как солнце,
всё прокатит.

...И тут выходит вся в узлах
звезда востока:

к свободной женщине в песках
судьба жестока.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

В конце концов, у нас ведь есть
часть завтрашнего дня.

Рассвет, помноженный на тень
колен и интервалов.

И тишина, и глубина
и птичья мельтешня
на антресолях, чай, нават
и миндаля навалом.

В конце концов, мы из пыльцы
египетских камен
меж рам оконных – новый сорт
сообразим варенья;
сольём вино ослиных пасх,
ром греческих календ.
Глядишь, к полудню будет нам
ещё одно время.

В конце концов, и я не здесь,
и ты ложишься в дрейф,
и кровь по-новому звучать
воспитывает мышцу.

Но до четвёртых петухов
у луковиц дерев
я книгу роц твоих ношу,
как ртуть, подмышкой.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Есть всё у нас. Мы даже
четверть суток припасли,
Колени чтоб не знали
ни пустот, ни интервалов.
А, время сжав, границы сдвинув,
мы приобрели
рассвет с обедом и
убережемся от авралов.

А почему? Пыльца мы,
а не пыль царей времён
столь древних, что в тумане факт:
кто ж изобрёл календы?
То ль римляне, то ль греки.
То ли Кубой вознесён
ром в небеса, но, может быть,
не ром совсем, а бренди.

В день первый месяца любого
ты ко мне идёшь:

к своей священной роще
без окон и крон – с корнями!
Под мышкой градусник – тебе,
однако не соврёшь:
круг новый в дрейфе, мы
не дрейфим пред страстями.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Всей правды ни ты не узнаешь, ни даже
я, которому в бок —
двузубые вилы злосчастья. Не дай же
Бог

услышать, как лопается сердце
в каретке – вниз-вверх – седока,
когда измышляет последнее средство
крутящаяся башка.

Воздушный путь – он, что память, наструган
соломкой: живи, не живи —
как миленький примешь на грудь верхнерусской
и глупости, и нелюбви;

и кран оседлаешь на фоне экрана,

чтоб воздух сна искрошить;
и камень выпьешь в сто три карата;
и прежде чем жить-не жить,

решешь арихметрию башни, разъятой
на смысл, как какой-нибудь Босх,
и звук, как какой-нибудь Янышев: дай-то
Бог.

Ведь пчёлы не пахнут ни йодом, ни фтором.
И смерть тут уже ни при чём.
А мыло с названием «Свет», которому
обмылок тьмы причинён.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Привык я к бессвязным, но честным тирадам.
Что случилось сейчас?
Нет истин теперь за красивым фасадом.
Атас.

Вся правда и истины в небе кружат,
а ты лишь верти головой.
Злосчастья однажды счастьем послужат:
Ты верь, всё снова впервой.

Впервые на грудь и впервые обратно.

Успеть кислорода б вдохнуть,
иначе опять алгоритм заурядный
взлзкает под сердце пырнуть.

И выкинуть всякое можно колене
в таком состояньи мозгов:
на кран заберёшься собрать квинэссенций,
алмазных наешься кусков.

Потом разрешишь теорему Ферма
(решённую, впрочем, давно),
в культурные влезешь рукой закрома,
где смыслам и звукам темно.

На запах и вкус, значит, можно их взять.
Но запаха тоже нет.
Так что, умереть теперь и не встать?
...Намылишься – рай и свет.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Элегия три

Мы встретились спустя девятнадцать лет, и позволь, я ска-
жу,
о чём ты думала, глядя на меня.

Что нищета пожизненна, как группа крови.

Что давай, как в юности, заменим любое слово на «потенция».

Что после Фриды не надо брить лобок, ни выщипывать брови.

Что хочется выдернуть из-под самодовольной задницы крашенный стул.

Что никто не гений, раз этот продул.

...Мы шли мимо торговцев ичигами и кавушами, абрикосами и кремниями, мячами и мечами...

Не помню, кто шёл впереди – но вдруг, спустя девятнадцать лет,

это проявилось во сне.

Зачем? – стал думать: кто ты была и кто я?

Мы что-то покупали – шли к Петру Муслимовичу.

Я вёл тебя с ним как моим божеством знакомить.

А выяснилось: все эти годы он тебя помнил.

И помнил всё, что говорил нам тогда.

Много лишнего нам говорил, тебе говорил.

Откровенного, непостижимого говорил.

Ты не должна была это слышать, и приходить не должна была —

со мной, к нему.

Поэтому память ранена, всё ещё ранена, да.

Воспарить мешает, предначертанному – стать.

И вот я дал ему слово, что ты всё забыла – как только ушла.

Что тебя попросту не было, я сам почти в это верю...

Я снял с него груз: простить – значит забыть,
сколь воды ни глубоки.

Простите оба, Пётр Муслимович и ты.

Будьте счастливы, как память богомола, счастливы и легки.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Новое прозрение

Богачкой смотря на мой оскал, не видишь
души бриллиант моей. Тебя испугал мой нервный тик
и жалких рубищ карнавал. Но как насытишь
свою страсть к лингвистике?

Как влезешь в филологический цветник?

Всё это сумеешь сделать без меня? Или снова обидишь?

Как бы снова не получился банальный пшик.

Я помню наши походы по пряным и сочным восточным рынкам.

А, впрочем, это были не рынки, а базары,
но тоже пряные и сочные: восточные.

И на ум мне вдруг явилось откровение познакомить тебя
с моим учителем по филологии,

Который знал, чем отличается меч от мяча,
Который знал, что этимологически они так же связаны
друг с другом, как кит и кот.

И я вас познакомил.

И потерял и учителя, и тебя: ты ушла от меня к нему
и дистанцировалась,

А учителю стало стыдно, и он прервал со мной общение.

И выяснилось вдруг при случайной встрече, что все эти
годы

ты обо мне помнила.

Но помнила только потому, что с моим учителем
вы быстро разбежались в разные стороны.

Моё дыханье спёрло: не знаю, от радости,
от прозрения или от подозрения.

И на приветливы твои слова, я вдруг остановился и смол-
чал.

И стал раздумывать, к чему же ты о Фриде выясняла,
Узрев вдруг бриллиант моей души.

Зачем вдруг так упорно пыталась узнать,
где она живёт и точный адрес.

Ужели хочешь ты меня у Фриды увести или Фриду у меня?
Я стал осознавать трагическую вероятность.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Кодир

у входа в рай лежал один
не потревоженный веками
обыкновенный серый камень
известный именем кодир

а под него текла луна
но гасла не достигнув черни
сосредоточенной у дна
в подземном нежилом теченье

сюда являлся на покой
тот кто увидел море в капле
но в ужасе тушил огонь
узнав черты в недвижимом камне

потом до солнечной возни
по профильной оплывшей кроме
формировался сон глазниц
и фосфором горели брови

и я в сопровожденье двух подруг

здесь мяту с ежевикой губами рвал
и местный дух
в носу пощипывал аджикой

а ночью всполохом золы
я будоражил сон кодира
и пара трещин до зари
себе лица не находила

он был казался невесом
что смутный воздух под подолом
беспольный и недвижимый сон
к утру оказывался полым

проснувшись как из-под воды
я различал в изгибах тени
в буграх и впадинах следы
внутриутробного растенья

а через год пришел другой
и обхватив его руками
качнул но отозвался камень
консервной жестяной трухой

ВЛАДИМИР БУЕВ
Камень и я

способным камень был к тому
чтоб отделять от плевел зёрна
всё делал в жизни по уму —
не дуб какой-нибудь позорный.

луну ночами обнимал
а днями флиртовал он с солнцем.
годами так баланс держал
ничуть не чувствуя эмоций

здесь путнику хотелось спать
сон разума рождал чудовищ
так местный дух хотел прогнать
людей подальше от сокровищ

к «кодиру» я явился сам
в сопровождении эскорта
(чтоб было радостно глазам
подруг я нанял для комфорта).

их было множество со мной
о двух скажу (чтоб без пощёчин)
иных на случай страховой
я в тайне сохраню до ночи

когда сокрыла ночь «кодир»

то разбрелись мои подруги
виновен сам – заснул батыр
ночные их спугнули звуки
кого же будоражил я
во сне своём рукой хватая?
конечно камень вопия:
«Подол твой каменный, родная!»

какой-то непонятный пол
то ль полый то ль совсем без пола
вокруг зола иль я так зол
...на утро пробудился голым

мошенницы раздев меня
и обобрав до самой нитки
то ль тленье дали от огня
а то ль растрения в избытке

а если через год придёт
кто чувствует в себе уменье
то не растренье, а растенье
он вместо камня здесь найдёт

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Ушёл в осень.
Уехал в зиму.
Уплыл в весну.
Улетел в лето.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Отбыл во времена года.
Отбыл в разное время года.
В одно из этих времён.
И во все.
Не одновременно,
Но последовательно.
Не от мира сего.
Не раздвоился.
Даже не растроился.
Расчетверился.
Так бывает: четверостишие становится
верлибром-пятнадцатистишием.
Игра, вышедшая за рамки.
Или, напротив, этих рамок
придерживающаяся.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ
Куркульдук

«Пинь-пинь-пинь» – выскочило из теста.

Ну и ну! Неужели сверчок?

«Кок-э-додл-ду!» – некто с насеста.

Пес из будки: «Кандай-ва-качон?»

И увидел я в небе: протяжно —

кра-ка-тук – пуповина луны

разменяла мой многоэтажный

сад на буквы, которые – хны.

Распрямляется хижина шаром,

раздувается, точно халиф.

– Всё так плохо? – молчу-вопрошаю.

– Всё – не – плохо. Ступай на залив.

Там вода голубым рафинадом —

Точно лесенка в сторону дня.

Там любое мгновенье, как атом,

неделимо и не от меня.

Принеси мне с залива ракушек.

Я ракушками лоб уберу

и чердак; будет лучше, но хуже

будет, если я снова совру —

про родимый кишлак и про речку,

где ягненок, ты помнишь, тонул...
Твою почву не вылечить речью;
ну, попробовать разве одну...

Так давай, не молчи: что ты? как ты?.. —
И тотчас же, как в летнем чаду,
мой ответ застрочили цикады.
Некто им отвечал: «Кур-куль-ду-у-к!»

ВЛАДИМИР БУЕВ

«Возврат к природе»

Тесто скисло, домашняя живность
учинила в округе галдёж.
Мне ночная близка креативность:
если пуп на луне, не уснёшь.

Ночью многое мне недоступно:
то ли краска из листьев сухих,
то ли «хоть бы» подчёркнуто крупно.
...Пусть лавсония впишется в стих.

То ли твёрдый орех, то ли нынче
позаимствовал мультик идей.
То ль советские сказки попрытче
о халифах и тыще ночей.

Возвратиться скорее к природе
(триста лет уж прошло – колесо)
по парижской изменчивой моде
призывал в тот период Руссо.

Даже дыры подвержены моде.
Дух мейнстрима пришёл и в кишлак.
Потому (вы сейчас упадёте)
всей скотине устроил очаг

я в гостиной, на кухне и в спальне.
В дом я даже цикад притащил.
Все задумки мои интегральны:
я удвоить скопление решил.

Что такое, родная, ты против?
Я не слышу: цикады строчат.
Моя милая, я не юродив,
я природы адепт и фанат.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Терменвокс

Не касаясь пальцами ни струны,
ни гусиной кожицы обечаек,

я хотел дотронуться до спины;
подбородком в ложечку у плеча

твоего уткнуться, как верный альт,
как имбирь от чистых твоих волос,
что разбил меж нами такой версаль,
до какого слух ещё не дорос.

Он объемяет воздух. Я вижу в нём
постриженные мхи, регулярный сад
со своими улочками, огнём, —
вдоль фасадов выложенным, как сай,

что бежит – откуда и куда?..

Но равно известен Автор писем,
поелику всякая трин-вода
совпадает с руслом Его времён.

Этот Сад, воздушный наш лабиринт
нам с тобой не мыслимо не пройти
с двух сторон, как некий четвёртый рим,
как глухой, но чуемый ориентир.

Где-то посередке его – слова,
что уже тверды, словно твой грильяж;
разогретая к ужину мастава;

и грядущий – лучший – ребёнок наш;

и последний день, и последний сон;

и земля сквозь дерево или сквозь

полотно легчайшее, стенки сот;

и спаявший звуки тончайший воск...

Этот Сад, этот воздух зовут потом.

Никогда сейчас – крестной мукою.

Он однажды нам исполняет то,

что потом мы помним как

МУЗЫКУ.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Серпент или балалайка?

Между нами разбит такой Версаль,

что желанье одно – поскорей туда.

Не катался прежде в такую даль —

в Кремль московский хаживал иногда.

В Петербурге был – пару раз сходил

в Эрмитаж. По разу – во все дворцы

в тех местах, что когда-то соединил

Пётр с Россией («окон» был дефицит).

Не касаясь пальцами тонких струн,

не прижав к губам костяной мундштук,
я играл, однако, как тот шалун,
кто у молодцов отбивал подруг.

В райских куцах нет места трын-траве,
водосток, если есть, не зовётся «сай»,
потому и в любой земной строфе
мне мелодию рая подавай.

Наиграй в Третьем Риме, чтоб иной
Рим Четвёртый не снился в страшном сне,
чтобы я и в Версаль вошёл такой,
где бы слух мой усилился вдвойне.

Да плевать на Версаль, на Третий Рим,
перед носом коль ужин (мастава),
и дитя (не скоро грядущий мейстрим),
коль трава не трын-, а мурава.

Райский сад (но совсем не Сад-маркиз,
что французский писатель-аристократ)

утолит мою жажду, мой каприз
слиться с музыкой, что не суррогат.

Впрочем, если и муки в стихе учтём,

то как лыко в строку зайдёт и Сад.
...Под звучание музыки пусть ремнём
в том саду меня порют все подряд.

P. S. Под звучание музыки ночью ль, днём
в том саду и страдальцы пусть кричат.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Вкус укропа

Рассматривая сад на свет,
монгол, ровесник Зороастра —
что было, чего нет, и сверх
того – что на экране красным

подчеркнуто (а лучше бы
и вовсе вычеркнуть к лишаю!), —
я дни срезаю, как грибы,
и ничего не исключаю.

Вот лучшая из дочерей
земли на мешковине кротко
сидит: в изножье сельдерей,
райхон и венчики укропа.

Мне веет запахом страны,
куда плыву, но не причалю,
где сны светлы, глаза черны —
я ничего не исключаю —

а воздух зелен, как река
и разветвлен, как слух растенья,
и испещрён, как мотылька
полёт упругим средостеньем.

Мне эта девочка лицом
напомнит многие печали
и сны. Потом... А что — потом?
Я ничего не исключаю.

На свет рассматривая ночь,
пойму: есть порох, нет порока.
Она окажется мне дочь,
зачатая в Стране Укропа.

Где, Улан-Батор, друг степей,
я на руках её качаю.

Сны отпускаеши. Теперь.
Как и в Начале.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Как никогда, мой разум свеж.
Не исключаю, впрочем, также,
что не заметил кроху-брешь
с ключом, стремительно иссякшим.

И потому пичох беру,
с которым по грибы мотался,
и месяц режу (поутру)
на дни, чтоб каждый день удáлся.

Я год желал бы раскромсать
на этак месяцев двенадцать:
тогда, авось, смогу познать,
что Зороастра знал... канадца.

Жил Зороастра столь давно,
что нету разницы, с монголом
или с канадцем пил вино
(иль ел укроп, запив рассолом).

Укроп растёт в любой стране,
какой бы ни была столица:
Оттава, Улан-Батор. Не
столь уж важно: степь, теплица.

Мне веет запахом двух стран,
куда так хочется умчаться:
не исключая, их дурман
меня понудил размечтаться.

Две девочки и дочки две —
но лучше все четыре вместе
(четыре жёнки в голове,
и все в одном живут подъезде).

И всех во сне я вывожу
гулять туда, где дух укропа.
...Финал счастливей, я скажу,
чем первый блин для первой пробы.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

О, ужас: нет людей, а Бог,
Куда ни погляди – повсюду.
В стеклянном черепе Его
Нет места ни земле, ни блюду

Из человеческих снов, молитв,
Совокуплений и вечерий...
Но если что и впрямь болит,

То сразу попадает в череп.

Твой подождённый нетопырь,
Невстреча с Прадедом и Принцем —
всё это – нет, не боль, но пыль
в Его густых, как ночь, ресницах.

Однако – что у корабля
Ничтожней и большее ветра?
Останется после тебя
Одно-единственное Лето.

А я – разулся и исчез,
не под стеклянным лбом – снаружи...
И всё же: где-то они есть —
И люди, и земля, и... ужас.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Я в домик спрятался с утра.
Я в домике! И это чудо!
Ведь детство было, как вчера.
Я в домике! И жив покуда.

Но что это? Стеклянен дом.
Да и не дом совсем, а череп.
Осознаю сейчас с трудом,

что домик детский эфемерен.

Но тут приятно, вам скажу:
я в черепе, а череп – Божий.
Ужель за пазухой сажу?
Ведь череп с пазухой похожи.

Ещё бы ты сюда пришла,
и было б мне совсем чудесно.
Но ты куда-то удрала.
А вот куда – мне неизвестно.

Туда, где ужас и кошмар,
где нет меня, живого Принца,
где детский домик съел пожар,
где череп – адова темница.

В мой дом вдруг камень прилетел,
и обратился он в осколки.
Когда б не Лето, я б сумел
Пролететь к тебе в ушкó иголки.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Надпись на книге «Регулярный сад»

Мне же видится в этом обратное:
Не начало конца – не исход.
Человек – существо многократное,
По количеству рёбер и хорд.

Отпускаю тебя, моё лучшее
Говорливых собранье вершин —
Торжество Земледельца и Случая,
Тьмы и Воли, Печали и Лжи;

Время-лето укропное, мёдное,
Что бы ни означал твой аккорд
(Ух, и мает, и мечет, и рвёт его), —
Всё вали на меня как на мёртвого.
Пересад. Перелес. Переход.

ВЛАДИМИР БУЕВ

О таинственном

Человек – тип животного хордовый,
Пусть есть рёбра у части людей.
Позвоночник бывает бикфордовым,
И поэтому хорда прочней.

Всё подряд, никому не понятное,
Отпускаю на волю – лети!
И приятное, и неприятное —

Неча дома сидеть взаперти!

Время лечит, калечит и тикает.
Коль помру, всё вали на меня.
Я под крышкой лежу и хихикаю,
Заедая укроп земляникою.
Крышка гроба – она как броня.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Одно-единственное лето.

Из книги «Офорты Орфея»

Мы не проснёмся на веранде летней
в испарине дождин; в столбе из пыли
мы не взлетим на лепестках календул —
затем, что это с нами уже было.

Один пучок не можно съесть редиса
вторично. Ты – Линор, не Лорелея.
Затем, что не хочу иных традиций,
кроме традиции неповторенья.

Смотри: плывут драконы-облаканы,
красны, как речь об это время суток.
Нет в их чертах ни Замысла, ни Плана —

как это видно нам отсюда.

Когда слегка иначе повернётся
навстречу каплям лист, чем ныне-присно;
когда вспорхнут, как монгольфьеры, гнёзда,
и луч забрезжит в горле у хориста;

когда луна взойдёт над этой кроной
чуть-чуть правей, и ты сгоришь без пепла...
Любую смерть приму как меру, кроме
традиции неспешного успенья.

Не так ужасна месть вещей и метров,
как лишняя графа в Господней смете.
Без гражданства, очков и документов —
я так же, как и ты, внезапно смертен.

Но, веришь ли, я удержусь на том же
пупке земли — без дужек и одышек, —
когда нога свой след не подытожит,
и пуговица петлю не отыщет.

Не веришь. Значит, вон из поднебесья —
в семью, в любовь (надежду, память, веру)?..
Мы высоки в своём земном плебействе.
Как это очевидно сверху.

ВЛАДИМИР БУЕВ

На небесах и на земле

Посыпать пеплом голову с рассвета
И разочароваться в жизни этой —
Судьба такая у больших поэтов:
Такой не раз была она воспета.

Пучок редиски съем и осознаю,
что уже было это всё однажды.
Как получилось так, я сам не знаю,
что съел пучок редиски этой дважды.

Коль я сэр Гай, ты не речная фея.
Коварных скал не надобно мне тоже.
Смотрю на облака – не панацея.
Драко́каны почудились вельможе.

Воздушный шар (иль шарик детский в руке
Господней) обнадёжит экивоком.
Но деньги почему-то достаются
плебейам и циничным демагогам.

И тут луна ночная намекает:
мол, все умрут, мол, тоже станешь тленом —
то чувства добрые ко мне питает,

то так обогреет по башке поленом.

О Божья мать, смерть твоя ужасна!
Но если ты не спешно умирала,
чего уж мне печалиться напрасно:
из тленного рождён материала.

Держусь, что силы есть на этом свете.
Я пуп земли смог обнаружить даже,
хоть нынче у меня в приоритете
для пуговицы петля и кармашек.

Поверь. Не веришь если, то не надо.
Обязан сверху вниз смотреть патриций:
вельможе снисходить с небес чреватю.
Глянь снизу вверх, воздам тебе сторицей!

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Сусамбиль

Собраньем приправ я займусь не теперь —
Вот струнная смолкнет феерия,
И где-то в груди, будто сняты с петель,
Замрут молотки судоверфия.

Зачем-то ведь до сих пор не забыл,
Как время в ноздрях раздувается,
А к нёбу прилипшая трель – Сусамбиль —
Льется и не проливается.

Бадьян, кориандр, зира...
Я скажу Чего напоследок, не смейся:
И имя мое из семейства кунжут.
Ну, Господи, ну, разумеется.

Сон в руку. Ах, что за тоска, Цинциннат!
Вот α движенья, вот β ...
Казалось бы – фук, но какая цена
Заплачена будет за это?..

Когда задыхаюсь, не прель и не дым
С холмов сусамбильскою ночью —
Лишь воздух – по капле – волос восполним,
Стекающий вдоль позвоночья.

Нишкни. Путь изломан души по местам
Телесности, источник мутен;
И форма её – воплощённый кристалл:
Сим-сим, прямоты не имущий.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Приправа

Снаружи по черепу бьют молотки.

...Но, может, не понял от лени я,

И лупят они изнутри вопреки

Моим болевым ощущениям?

Я вспомнил волшебное детство и всё,

Чем сказка узбекская полнится:

На пастбища сделали звери бросок

С приправой стремясь ознакомиться.

Бадьян, кориандр, зира... что ещё?

Кунжут – это аз многогрешный.

Я, ставши приправой, раскрепощён

Настолько, что смертию грежу.

Но долго и счастливо звери живут

В волшебной стране на природе.

Набоков и римский диктатор введут

В курс дела, хоть нынче не в моде.

Пусть альфа надежд породила орду,

Но бетой закончилась сказка.

Цена – то ль сезам, то ль сим-сим приплету,

С кунжутом чтоб вышла увязка.

Откроются двери в пещеру одну.
Богатств там бесценных несметно:
Приправы – мешками. Мою седину
Бес с рёбер сорвёт незаметно.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

На размер песни Жоржа Брассенса «Негодный мальчуган»

Мой белый человек, две трети этой жизни
Я с ним делю и сон, и благородной лжи – с ним —
Искусство – и любовь – делю.
Но с нынешних третей я стану скуп и точен,

Поскольку речь зашла о нерождённой доче —
Ей будешь ты. Благодарю.
Я не отдам тебя, ни наши ухищренья,
Ни змейку, что свистит июльно и ошейно,

Ни уровня иван-чаёв
Над здешней муравой, когда лежим и дышим
Друг в друга и горим согласием бесстыжим,
Земных не замечая швов.

Мой белый человек, он требует напиток

Ему из этих трав подать; он долгий свиток
Взаимных векселей приплёл.
При этом намекнул на строчку из духовной...

Но как покойнику живых тыр-пыр альковный —
Так мне его кошерный флёр.
Он надо мной висит, что нетопырь лядащий,
На спицах растянув словесный шум, но дальше —

Не спи – ему заказан слой.
Лишь изменив природу, сбросив оперенье,
Лишив меня примет особых, т. е. зренья
И голоса, – он станет мной.

На то ты и любовь, что на Сиаме – братство.
Какой тут ... пойдёт, какое распробл. ство —
Ни сном, ни духом не скажу.
Раздайся ж ввысь, звучи и в дереве, и в бронзе,

Мой Requiem! А что со всеми нами после —
И белке внятно, и ежу.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Мерцание героя

Ну, что за человек! Рожать не хочет дочу!
Пусть почернеет он, но дочу мне родит!

А если не родит, побью.

А если не побью, то пусть он стыд познает,

Уверен он: ничто ему не угрожает.

Сказать мне, что ль, адью?

Так не скажу назло, а утащу я в поле,

Где никогда с тобой мы не были дотоле.

Июльской порой гудит

В траве и днём, и ночью разный насекомый.

Всё это норма. Хуже, если кто знакомый

Над головами засопит.

А, впрочем, пусть сопит, лишь не вопил бы громко.

Природный мягче шум, способный дать потомка.

Из трав тем паче я глотнул

Напиток возбуждающий, но очень стрёмный.

И человек со мной не стал играть в скромность:

Поболее меня хлебнул.

И всё-таки сопят. Вопят, как бесы, также.

Покоя нет душе моей, вконец обмякшей.

И напряжён мой человек.

В природу устремляясь, каждый хочет жизни.

Но мы лежим в траве, представив, что на тризне.

Такой у тех, кто смертен, трек.

Так с кем же я лежу, выделявая дочу?

Он – это человек. Отгадку я отсрочил.

Но компромата в этом нет.

Ведь человек мой – дама. Рыцарь я над нею.

Боюсь, что не закончу эту эпопею

И что родится пустоцвет.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Памяти большого зала

Он где-то здесь, источник вечной жизни.

Ну да, сперва в тебе, в тобой же и

Открытом опыте последней смертной жизни,

Чей хронотоп, как бритва и желе.

Но поднимись под потолок, на хоры: вот он

Амфитеатр класса «эконом».

Здесь музыки проявленные фото-

Пластины плавают в растворе звуковом.

Напетое, натрубное, насмоленное место...

Пространство переслушай крест-на-крест.

И – по струне, проворнее Гермеса,
Над лысыми приемниками – в оркестр!

ВЛАДИМИР БУЕВ

Пространственная связь времён логична:
Искали прежде философский камень и
Его же, но с названием другим, мистичным:
Тинктура красная (как цвет у знамени).

Иль магистерий, эликсир великий – это
Всё то же, что и пятый элемент.
Прошлась под небосводами комета,
А я крутой не фото-, но корреспондент.

Под сводами паря консерваторий,
Я, право, просыпаться не хочу,
Мне Боги-Олимпийцы траекторий
Надеюсь, ввысь дадут, как скрипачу.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Бог смерти

– Как разрешить начатый двадцать,
считай что, лет тому назад
спор о бессмертье и душе?

Когда ты сам нетленный клад
в земле, куда теперь деваться
прикажешь мне – и вообще?..

– Из мрака в мрак, из бездны в бездну
кочует тело; даже тот,
кем мы являемся в кино
или во сне, горит не от
лучины пажити небесной;
он – тело, лишь оно, оно.

«И что, мне губ его усмешку
терпеть до греческих календ?!» —
В тени и шорохе осин —
тому уж скоро двадцать лет —
со снегом землю попеременно
я под ногтями уносил.

ВЛАДИМИР БУЕВ

– Мы двадцать лет с тобою спорим
о том, кто смертен, а кто нет:
душа иль тело, я иль ты.
Таков уж наш менталитет.
...Никто не взялся за топорик,
чтоб доказать, кому кранты.

– Так, значит, двадцать лет мы будем
опять дискуссию вести
о душах наших и телах.
Ей ста цветами расцвести.
Потом мы диспут вновь замутим
не только в прозе, но в стихах.

Ошибка будто бы невинна.
Календы – не Эллада. Рим!
А, впрочем, под ногтями грязь
была и женским, и мужским
уделом эллинов. Глубинна
веков, людей и наций связь.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Ось

Построй Мне дом, – сказало Слово, —
Мне холодно, твои сердца —
не слишком твердая основа
для речетворного сырца.

Есть сруб, фундамент, рядом груша,
топчан дощатый, виноград...
Но не очерчена окружность,

за коей глухота и смрад.

Приделай крышу Мне, заслонку
подвинь в мигающей печи,
наладь в окно бычачью пленку
и трещинки все завощи.

А за оградой – будь что будет.
Туда и тропки проложить
сквозь мальву не опасно, буде
есть дом, всё прочее – кажись.

Душа ведь – маятник. И сколько
ни вейся вдоль, как сон осы, —
обратно, поперек волокон,
ее отдаст – вокруг Оси.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Стройка

Всегда вначале это Слово —
в любую проберётся щель:
хоть эта щель миллиметрова,
хоть щель размерами в тоннель.

Я Словом дом построить мог бы.
Увы! (хоть много лил речей).

Вот груша, виноград – не снобы:
растут без помощи моей.

Душа обязана трудиться
и снова Слово извергать.
Иначе будет только сниться
мне дом: готовым не видать.

Я снова Словом убеждаю
(кого – пока не знаю сам),
чтоб вырос дом, подобный раю.
Я возвестись велю стенам.

Пусть дома нет, пора помыслить
о том, где ставить частокол
и кто бы всё вокруг расчистить
ко мне для этого пришёл.

О слово! Стань намного строже!
Мощней, чем ты сейчас звучишь.
Душа, трудись, и ты, быть может,
хоть в ком-то совесть пробудишь.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Званный ужин

Сегодня Иосиф людей собирает.

– Иди уж, я справлюсь! —

Жена, как всегда,

с утра недовольна:

им лишь бы пожрать,

да выпить —

оценщикам мужниных вирш:

– «Ценители»! Тоже мне —

всякую шваль

назвал и корми их задаром! – Иосиф

устал препираться. Листочки стихов

он снова и снова перебирает:

что стоит показывать, что подождёт...

«Вот это сперва, затем это и это.

А это читал в прошлый раз —

может, вспомнят

и сами попросят...»

– Я новую скатерть

не буду стелить —

обойдутся клеёнкой!..

А свечи зачем?!

– Так ведь...

– Нечего, спрячь.

Достаточно верхнего света! —

Поэма —

вот главное, что он сегодня хотел бы прочесть; там не всё ещё гладко, но это, пожалуй, удачней всего остального.

И кто его знает, как скоро ещё...

– Родная, возможно, гостей будет девять...

– Постой, ты же «восемь» сказал!..

– Но Лососев...

Он будет с женой...

– Почему же без тёщи, без брата, без шурина, кума, детей?!

– Полиночка!..

– ?! —

«Нужно сразу сказать, что это отрывки...»

– Тарелки протри!

Я переоденусь – не в фартуке же...

– Спасибо, голубушка!

– Слышишь? звонят!

.....

Последний ушёл, распинаясь и брызжа (перед этим в уборной он час просидел), и выпросил несколько рукописных листков:

– Я пе-пере-читаю!

– Конечно,

конечно. И можете не возвращать!

– Спасибо, всё было...

– Пожалуйте снова.

Иосиф, ну что же ты? Проводи.

– Дойду, благодарствуйте!

– Всё же позвольте!..

.....

Ушли. На столе рыбы кости и жилки

хрящей, не поддавшихся челюстям;

нет в доме животных —

всё прахом, всё к чёрту...

Комочки пропитанных жиром салфеток

и краешек рюмки – от соуса бел...

Скорее бы лечь – нет ведь:

будет до позднего

часа полночищать, водушевлённый...

И где его носит! Всё без толку. Бедный

мой, бедный... Часа полтора как ушли.

...Вот зараза! Пойти, поискать?..

ВЛАДИМИР БУЕВ

Фуршет подготовлен. Банкет тоже будет,

коль люди попросят

и есть захотят.

Творец – словно Гоголь

и гоголем ходит.

Он брюхо

поглаживать любит с утра,

когда ожидает

под вечер адептов-

родных дружанов, чтобы их накормить

стихами своими и дать им напиться

из чистой криницы (извилины его).

Иосифом звать пацана-демиурга.

Любое творенье он может создать:

ребёнка или стих, или прозу какую,

или даже верлибр.

Жена уточняет,

нужна ли еда

или лучше не надо?

– Я сам есть хочу! —

ей муж отвечает.

– Иди заработай,

ведь дома нет денег! —

обрезала женщина жёстко супруга.

– Ужели же дома шаром покати? —

Иосиф глаза распахнул широко.

– Так дома подобных шаров целых пять!

Заткнулся мужчина,

стесняется очень:

добытчик в семье ведь не он.

Даже всхлипнул:

– Ужель не поем?

– Поешь завтра утром,
сейчас же готовься фанатов встречать!

– А кушать?

– Сказала ж, терпи до утра,
а будешь ворчать, и неделю потерпишь,
адепты явились,

звонят,

открывай!

Иди открывай, говорю тебе, быстро,

Иосиф, чего же ты так тормозишь?!

Они ведь уйдут, их потом не воротишь...

– Бегу уже, милая! Правда, бегу!

.....

– Друзья, проходите, садитесь на стулья! —
хозяин радушный встречает гостей.

– А стол где накрытый? Ещё не успели? —

заёрзали гости, рассевшись кружком:

сначала, мол, надо слегка подкрепиться,

а после, коль силы останутся, в слух

себя обратить и стишата послушать,

и снова стишата заесть и запить.

– Друзья, я позвал вас, чтоб пици духовной
смогли вы отведать. Так слушайте же!

Поэма большая, не просто стишата,

всей ночи не хватит её прочитать —

такими словами поэт и хозяин
поставил на место своих дружанов:
еды, мол не будет и водки не будет,
а будут шедевры звучать и звучать.

– И, кстати, ремарка! – радушный Иосиф
продолжил до чтения стихов говорить:

– Коль все вы моими друзьями назвались,
коль все вы поклонники музыки моей,
могли бы с собой принести алкоголя
и просто еды, чтоб мой труд оплатить.

Реальная пища в обмен на духовность —
не только же лавры поэту нужны.

.....

Фанаты вскочили, помчались на выход,
а дверь бронирована и заперта.

– Не выйдет! – кричит во всю глотку Иосиф. —
Уж если пришли, то внимайте всю ночь!

– Коль выпустишь нас, обещаем, что завтра
деньгами мы скинемся все, как один,
и вкусно накормим тебя до отвала, —
так гости клялись, на колени упав.

Иосиф поверил (доверчивый малый!)
и дверь разблокировал кучей ключей.

Фанаты (а, впрочем, уже не фанаты,
уже не адепты) с колен поднялись.

Они (как страна наша вся) на коленях

стоять не приучены долго весьма.
Коль путь стал свободен, пошли оскорбления.
Никто выполнять обещаний пустых
уже не намерен, все смелыми стали:
желают из дома чего-нибудь взять.
Но только не виршей, не пищи духовной,
а стулья и чашки, тарелки, сервис.
...Хозяин лежит с синяками побитый.
Он знает теперь, как гостей зазывать.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Землетрясение в июле

Вот это и есть ждать природы щедрот. Мы проснулись.
Трясло. Как пиццальи заряды, летучие мыши
выдёргивались из копчёной дыры контрабаса
и глохли. В горах помутнелые сны свои русла,
должно быть, покинули морщиться. Мы же
от их вещества загустели быстрее алебастра.

И целую вечность потом не могли двинуть бровью.
Покуда внизу голосила молочница. Дом
ихтиоловой мглой, размягчённой, как сумрак, корою —
единой породой твердел; под светлеющей кожей
хребты ископаемых рыб, рудименты искомым

оплаканых некогда кукол, собачек и кошек

угадывались, как светящийся призрачный Китеж.
Вот это и значит – «незыблемость». Сделайся снегом,
ползущим с вершин, – не почувствуешь меньшей надёги,
и будучи сном – самовольно сосуд не покинешь...
Не требуй у рождшей земли милостыни
покоя. Она торжествует движенье над небом.

А я торжествую – тебя. И на будущей плёнке
ты веткой проснёшься, но почва её не коснётся отныне.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Мы спали, над нами витали лихие фантомы.
Нам снилось, что мыши стреляли, на небе порхая.
Стреляли с высот, и всё это на нас попадало.
Но это не пули летели, ведь запах знакомый
мы чуяли сразу, мгновенно свой разум включая.
...И этих не пуль приземлилось на череп немало.

Мы очень боялись. Казалось, планета трясётся.
И точно тряслась. Не планета, однако, а горы.
И плакали рыбы и звери, не зная, что всё обойдётся.
Хоть всё устаканилось, страху и мы натерпелись
(а кто-то мечтал экстремально о новых повторях).
От страха нам не было стыдно, но мы раскраснелись.

В мечтах мы воздушные замки, однако, ваяли.
Казалось нам, крепок их камень и выдержит вечность.
Незыблем песок, если он не песок, а твердыня.
Фантомы нас снова, как будто в бою, обстреляли.
Мы так за свою поплатились былую беспечность.
Подставила нас непомерная в жизни гордыня.

Теперь вместе с замками нас разыскать попытайтесь
в песке... Не отыщите если, то ввысь поднимайтесь.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Речь

«Мы идем в школу с хорошей речью!» —

Так было написано в моей виньетке.

И на самом первом выпускном вечере,

когда дети пели: «До свиданья детский сад —

Все ребята говорят...» – штурмом взятая буква «р»
горосира чудо как правно;

и, одаренные еще одним звуком,

мы были уверены, что уж теперь

все-все ночные Ожили сами уснут

и уж больше не оживут, и уж больше

мы не будем лишними... А там, глядишь,

новые звуки подрастут

в кнопках и клавишах аккордеона,

в промасленных канифолью связках кеманчи,

в древесных раковинах комуза и рубаб...

«Музыкальный инструмент» – ведь это не просто идиома.

с его помощью люди, жившие в малорослых глиняных до-

мах,

словно шкатулки, отворялись и начинали звучать,

и выползали, как крабы,

на середину улицы (дети крупной высыпали) —

вот что творили с ними звуки

истощного карная и высокопарной дойры.

Гундосый – прострочивался ритмом,

и страшно подумать, в какие тайны, в какие дымы

он обещал посвятить, какие просторы

были предвкушены и почти что зримы:

просторы, окрашенные в цвет

сгущенного молока и лимфоузлов,

кирпичных сердечек и чердачной муки,

девчачьих лодыжек и дымных лепешек,

оставленных марширующими коровами;

а еще – саранчи и пнёвой трухи, подоженной

красными муравьями, жуками-носорогами...

О, это были – тум-ля-ка-тум – всерайонные

гульбища, свадьбы,

и лично мне они сулили гораздо больше,

чем «молодым»: свежавание барана,
чье внутреннее устройство тем паче впечатляло,
чем беспощадней жалость мое сердце
высвобождало, как орел печенку
известного по мультику титана, —
кроме того, возможность долго не ложиться,
а после – под открытым небом сон...

И вот теперь, когда нет со мной моего аккордеона,
нет со мной моего карная,
нет свадебного шествия,
нет дерева, с которого я мог
его наблюдать, нет зелени —
такой зеленой, что и не бывает...

Нет корябаемой солнцем пластинки —
иссиня-синей, как воронка времени, —
и зрению уже не будет насыщенья
ни этим цветом, ни многими другими,
ведь время, как известно...

...Теперь, когда чудовища похлеще
прильнули к стеклам – нет им числа,
нет имени, – а слух и обоняние как в воду
погружены...

Так вот, теперь хочу спросить:
что он мне дал, тот чудом обретенный
(чья буква, словно перышко, парила,
как головня, дышала), что он дал мне —

тот откровенный сокровенный
ЗВУК?

ВЛАДИМИР БУЕВ

Среда

Я старался петь, что было мочи,
когда в последний раз пришёл в детский садик...
Буквы «р» и «л» у меня получались лучше, чем у всех,
даже если совсем не получались,
а они, и правда, совсем не получались...
Я вместе с детьми был уверен в том,
что, начиная с дня, когда мы покинем детсад,
все страхи и барабашки сами собой исчезнут.
Пусть не вымрут, но в страхе разбегутся кто куда.
И что с момента прихода в первый класс школы
меня и всех нас будут окружать только музыка,
песни и резвость всякий час
(так, что голову вскружит).
Что я выучу все звуки на свете
и научусь играть на музыкальных инструментах
всех народов мира, и что стану счастливым взрослым.
И с тех пор я действительно многому научился.
Научился играть на всех инструментах.
Я играл на форминге, лире, самбике,
На псалтерии, авлосе и на флейте,
(игрой на которой Пан соблазнил Селену

и намного раньше снял толпы нимф).
Я играл на литаврах, кимвалах, кротанах.
а затем смог освоить даже гидравлий,
что механик Ктесиний когда-то создал,
когда не было даже нашей эры.
Всем известно, что тот гидравлий
Есть предтеча сегодняшнего органа.
На органе я завтра сыграю смело.
А сегодня гидравлий! Опять гидравлий!
Ведь девчонки и даже их лодыжки
Мелодичность гидравлия обожают.
Не могу отказать им в полёте счастья
(моего, а не их, впрочем, их ведь тоже).
Так и хочется рифмой ударить мощно:
например, по роже иль по вельможе.
Ведь белый кролик пробежаться может
И по большим стихам, как по планетам.
Поэтому меня то совесть гложет,
а то и жалость к тем, кто ел баранов.
А, впрочем, и к самим баранам тоже.
Эх, если бы плечо могло зудеть, рука махать,
то солнце бы открыло тайны мне.
Пластинку я и сам могу прослушать,
а дерева, чтоб обозреть Вселенную
под музыку крутую, не смогу. Ведь нет такого дерева.
И музыки такой опять же нет.

Остаток дня текущего потрачу, чтоб воронку времени
найти и чтоб в неё успеть запрыгнуть.

Ведь только там и музыка, и цвет (и звуки чудные, и крас-
ки).

Вселенная не сможет отыскать отмазки.

Но – чу! – в этой воронке лишь вода.

Ещё и перья тут же мокрые. Здесь ели птицу?

И вдруг сирена завопила мощью всей.

Я знаю: это запись цифровая.

Сирен звучания давно милее нет.

И что мне все эллинские забавы?

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Из ординарной головы – шлейф:

Сочится мраморной струей путь.

Еще пятнадцать Волг и пять Нев

До возвращения, но не в том суть;

Еще три ужина и семь луж

Мне не удастся выпить и съесть,

Ещё я буду двадцать раз чужд

За непроявленную мной спесь...

Ещё семь тысяч не пролить губ

Из-за неверности одним тем

Губам в разрезе коих мир глуп,
Перед которыми мой слух нем...
А я решил вернуться туда,
Куда тоскливый обращён глаз,
Но еще тонну не разбить льда
И не согреться сорок пять раз.

Моя неверная котам ласк
И ласкам всех небесных котов,
Меня не вспомнишь не один раз
И не напишешь чемодан слов...
Но, если принесёт меня дождь,
Моим падениям подставь длань.
А будет немощен напор – что ж,
Под водосточную трубу встань!

Когда вернусь, не буду лить слёз,
Не припаду – к стопам ли, к земле,
Свой не задаст Гомер мне вопрос,
Вслед не посмотрит Одиссей мне;
Не молвлю «нет» и не скажу «да»,
Не обрету – себя ли, свой дом...
Но я решил вернуться туда,
Чтобы сюда вернуться потом.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Из головы струится дымок,
Не одинокая струя – пять.
Дурманом лупит прямо в висок:
Пятнадцать Волг, и их не объять.
Ещё пять Нев, как будто дымков.
Мозги расплавились, не в том суть.
Такое знать не для слабаков.
До ста Нев с Волгами махануть.

Из вод мои губы состоят:
Растечься могут туда-сюда.
Моим ушам глухость извинят
Немые очи, они ж глаза.
Вернусь туда, где сегодня я.
Ещё откуда я не ушёл.
Под хвост попала ко мне шлея.
То озарение, не прикол.

Коль нет тебя, ласки все – коту.
А нет кота, ласки все – тебе.
Бывает часто невмоготу.
Я не противлюсь тогда судьбе.
В трубу не вылечу, ты не верь
Пустым словам и словам чужим.
А хочешь верить, сама проверь
Залезь в трубу. Не мейнстрим – экстрим.

С Гомером знаюсь. Пусть Одиссей
В глаза глядит, а не в спину мне.
Космополитам нет рубежей —
С Богами Олимпа наравне.
Я не заплачу – надежды нет.
Платить не стану я тоже всем.
Мне Олимпийцы споют куплет.
...Своим порадую бытием.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Затакт. Из книги «Офорты Орфея»

Можжевеловое, хрупкое, травяное —
из каких пришло таких недр и чар?..
Впрочем, ожидал ли я что иное,
приподняв покрывало июньских чандр,
углядеть в опасной близости от треска
прямокрылых, от шепоты нарезной...
Вот и ты притянута хной окрестной,
начиная с родинки – всей собой.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Вкривь и вкось подвинут ритмический рисунок.
Такт за затактом следует не так.

Встать у паровых котлов бы близ форсунок
и понять по звуку, где таится брак.
Родинка притягивает к форсунке —
таи природа настоящая живёт,
и её мелодия в рисунке
пара, что извергся, к себе зовёт.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Мама под мышкой квартиру несла.
Крайшек балкона из сумки выглядывал.
Мама её десять раз перепрятывала,
прежде чем в кожаный дом убрала...

Кухня, санузел, 17 жилой
площади, антресоли и шкафчики...
Маленькая – но своя, не иначе как.
Всем по углу: маме, детям с женой,
мне и коту, нашим шалостям-глупостям...
Бы подходящий кусочек земли
с видом на лес отыскать – там уж мы
мамину сумку откроем и выпустим.

ВЛАДИМИР БУЕВ

В детстве квартира своя не нужна.
Можно на улице жить-не тужить.
И, опускаясь до самого дна,
Можно потом безболезненно всплыть.

Мама под мышкой дома посему
Носит туда, а затем и сюда.
Жизнь у игрушек – пожить самому
Так, как они, хотя б иногда.

Влезли все в домик и там уместились.
Комнату выбрал себе пообширней.
Выйдя из детства, мы дома лишились.
Стоило в детстве быть понастырней.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Из книги «Офорты Орфея»

Как зачин «Страстей по Иоанну»,
Как я обживаю нотный лист,
Так твоё видение по плану
Жизнь мою раздало вверх и вниз.

Так и есть: ты праздник мне приснила;
Чтобы буквы в ступе не тереть,

Ты навек всё это упразднила —
Азбуковник и самое речь.

Слух и голос щёлк – и разминулись
В антипастернаковой строфе...
«Что теперь Итака, новый Улисс?..
Можжевательник – вот и весь трофей.

В нём – ты чуешь? – дух древесный зреет.
Его срез – начало тайных глосс,
Нитеводный план. Забудь о зренье:
Нос держи по ветру – только нос».

ВЛАДИМИР БУЕВ

Упразднила ты не речь самую,
А самое речь наперекор
Нормам языка. Скажу втихую,
Что «самую» – тоже не фурор.

Буквы в ступке, что вода толкутся,
Праздники устраивая мне.
Страсти дяди Вани разрастутся,
Станут с немцем Бахом наравне.

Брокес, Постель, Вейзе постарались
Часть страстям отдали душ своих.

От канона пусть и оторвались,
Излечить сумели и глухих.

Ведь в стране слепых глухой – правитель.
Джойс аллюзий выдал на-гора
Столько, что возьми самоучитель —
И подточен нос у комара.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Червь

Мы теряем волосы и ногти,
память кожи, зрение лица...
И душа, как высота от ноты,
отшелушивается.

Но, когда, беспамятны, откажут
и язык, и разум, всё ещё
остаётся ма-а-ахонький очажек,
с детства не остуженный ожог.

И летят на одеяло листья
свёрнутой, как молоко, воды —
там, где загорелое величье
обнажает глиняный тандыр

(чтоб, как он, старея – ближе, ближе
слышал колокольчики вещей);
там, где времени блатная жижа
залепляет жаберную щель, —

там, открыв земле её трахеи,
голос тьмы вскопав, солёный чрев,
завершить земную одиссею
на асфальт выходит Червь.

И земля, впитавшая всю воду
всех морей и век, блаженно спит,
равнодушная – к нему ли, к ходу
времени, колёс, копыт...

Он, на берег выброшенный сгусток,
радужка кита, явил собой
рудимент искусства для Искусства,
слова ради Слова, ради Бо...

ВЛАДИМИР БУЕВ

Без волос мы нынче и без кожи,
без лица и даже без ногтей.
На фантомы, впрочем, не похожи.
Разве что на монстров – так верней.

Остудить ожог у монстра в силах
разве что могучий богатырь.
Но подобных нынче нет дебилов,
Где паслись батыры, там пустырь.

Потому и листьям с одеялом
осенью от ветра не спастись.
В противостояньи, крайне вялом,
тайно скрыта будущая жизнь

Жижа тоже может быть блатною,
ведь тандыр из глины сотворён.
Это ль не причина похвалою
Одарить, кто щелью наделён?

Выполз вот Червяк из недр на волю —
На носу земли Армагеддон.
Глубоко дышать себе позволю:
Перед смертью подышать – резон.

Почему ко мне все равнодушны?
Ведь Армагеддон грядёт – умру!
Скорбь на лицах пресна и натужна.
...Ладно, от Червя я удеру.

Я гражданским сделаю искусство
и утилитарным, как шкала.
Этой мыслью даже Златоусту
Не сумеешь заморозить Алла...

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Цвета. Каштановый. Из книги «Офорты Орфея»

Моя кармина, песня со усохи
да в ключ. Я без тебя умру не весь.
Сперва глаза останутся без соли.
Затем душа переселится в вещь.

А с нею – запах, цвет и сердцевина
звучанья неживого, как азот...
И вещь, темна, тепла и яйцевидна,
тебя как песнь до дна перепоеёт.

И ничего-то более не сдюжу.
И ничего-то более не есть,
как близорукую лепную душу
сквозь тело и формингу к свету несть.

А песня непременно ли начаться
как свет её – вослед тебе должна?

Скажу, чтобы уже не возвращаться:
сначала – ты, и лишь потом – она.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Река иль храм красителем объята,
но хочется пожить ещё лет сто.
Раз у тебя глаза уже помяты,
то снова соль из глаз – уже не то.

Цветы с цветами спутать невозможно,
Как ароматы с вонью иль духом.
Но если это делать осторожно,
то можно стать экспертным пацаном.

И поиграть не только на форминге,
но даже балалайку в руки взять.
И мускулами поиграть на ринге,
Везде при этом душу предъявлять.

Стань песней, чтоб нашёл я ветра в поле.
По этой песне и тебя найду.
Как только отыщу, спрошу: доколе
ты будешь затмевать мою звезду?!

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Из Москвы. Солнце – оно сокрыто. Из книги

«Офорты Орфея»

Он происходит из земли, как мел.
Он происходит из земли, как мёд.
И поры не закупорены снегом.
Я слышал, мне старик Иламен пел:
когда он меж стволами так встаёт —
слепые тени ходят среди зрячих.

Они дышать умеют через жи.
Они дышать умеют через вот,
уязвленный их душным непокоем.
И как вода отталкивает жир —
мертвящий свет и умертвлённый плод,
зажмурясь, меж собой границы ищут.

А между ними зелень, кровь и дым.
А между ними зелень, кров и мы,
днесь утеплённые – но скоро, скоро
не сверху сера, пепел и перо,
а изнутри – косматое ядро:
и мёд, и свет, и нас – и всё

остудит.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Мы вышли из земли и все уйдём,
быть может, не туда же, а на небо,
как белая сойдёт с опушек вата.

Пусть не сойдёт, напротив, упадёт,
кристаллами покрыв земли объём
(старик не любит полуфабрикатов).

Тут то ли учат «жи» и «ши» писать,
а то ли животом уметь дышать.

И то и сё для жизни крайне важно.

Вода вот научилась жир толкать,
а плод сумеет всяк дурак сожрать,
коль настоящий он, а не муляжный.

Кровь, кров, а также мы и дым —
в одно слились. Преград языковым
моим изыскам нет в подлунном мире.
хоть сверху дождь идёт и льют слова,
дарована мне небом голова.

Я наплету такие кружева —
вы разбирайтесь...

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

«Узри мя!» (сошествие). Из книги «Офорты Орфея»

Как же так: все наши шёпоты-сады
Пролетая, проплывая Летою,
Слышу за спиною: ты, не ты —
А тебя, оказывается... нету?..

Церква на Нерли теряет глаз.
Я один – зрачок на белой нити.
Мне, мне в дымный шепелявый час
Небо, как сучок, из лёгких – выньте...

То есть, вот он – я, а вот он... я?
Ни пресуществления, ни бреши...
Мне же, ноздри, сердце ли скрепя,
Сон и память выманить у речи б.

То есть – поднесли к окну свечу,
А всего-то нацедили времени:
Напоследок хрипкое «Летю-ю-ю!!!»
Вымолить у воздуха – у зренья.

...А тебя, оказывается, не было.

ВЛАДИМИР БУЕВ

С детства я с фантомами дружить любил.

Впрочем, я не знал, что то фантомы.

Вдруг я повзрослел и заплатил

Отрезвленьем и похмелья симптомом.

Небо лезет в лёгкие мои.

Ладно бы в глаза, но нет же – глубже.

Мне зрачок кричит: не устоим!

Взял и выпал... Но ему же хуже.

Вот те раз! Зрачок горазд кричать —

Я же дара речи вмиг лишился.

Кто поможет кончить мне молчать?

С явью сон ещё не сговорился.

Времени накапаю чуток

В ложку, чтоб продлить паренье в небе.

Глядь – а там внизу наискосок

Мой зрачок сегодня кинул жребий.

...Выпало очнуться и проснуться.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Сад-Эрмитаж. Двойное дерево. Из книги «Офорты Орфея»

Ты думаешь, я мог бы перебить
твой вкус другим, какой-нибудь мареной
обыкновенной... Но куда девать
настой дремучий, что в стихотворенья

уже всочился, надышав с изнанки, —
уравновесил боль и торжество?..
Шаг в сторону – и рыжей венецьянкой
небытие балет покажет свой;

и запахнёт мне выдохшимся сыром,
стоячей жижей, рыбьей малафьёй...
Ну, а покуда стереоэфиром
стрекочет сад окрест – я твой...

И мы лежим под деревом – так ближе
его вершина (ниже не бери!),
и кажется: я будущее вижу,
что у него закручено внутри.

Его иголки ввек не опадут.
Ведь даже мы когда-то были твёрды,
что это мёртвый город – он не мёртвый,
что это вот арча, а это – дуб.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Хоть думай, хоть не думай, перебить
я не сумел твой вкус, как ни пытался.
И ту пытался я употребить,
и этой тоже тела я касался.

Однако с ними стих не написался,
хотя со мною рядом он витал.
И ближе я к тебе опять подался,
чтоб в стих вошёл от вкуса идеал.

Поэтому лежим и дышим сыром,
какой-то жижей с рыбьей требухой.
Романтика от века правит миром
(по запаху тот сыр, кажись, гнилой).

Над нами небо, дерево нам машет,
и будущее в лица нам глядит.
Там то балет небытие покажет,
то стереоэфир ошеломит.

Понять, однако, так и не сумел;
пока с тобой мы жарко обнимались,
над нами лист дубовый шелестел
или иголки хвойника качались.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Поверх души – рассудок-соглядатай.
Поверх того – клетчатка и невроз.
Потом земля и дерево-свидетель
усердных дум, увечных катахрез.

А уж совсем потом мороз и солнце,
которым наши души – решето...
Но ведь и нам от быти – до казаться
не ближе, чем от нечто до ничто.

Мы есть, а прочее – культур-мультира.
Мы здесь от неисповедимых пор.
Как бабочка, живущая в гитаре
до первого щипка или аккор...

Но если к небу северного мира
зажмурить думы, сердце и глаза —
одна большая круглая лепешка

войдет туда по самое нельзя.

Ковры, матрасы, курпачи и стены
начнут расти от эдаких дрожжей.
И станет оболочка сердцевиной,
как было уж не раз... И вообще.

Бескрылое капризное больное
с его семью отверстиями – вдруг
перетечет в свою земную память,
чтобы начать ее посмертный труд...

И значит, в чем-то это верно, верно —
что нет согреть лепешкой пищевод.
И значит, где-то это нужно, нужно —
поверх души носить такое вот.

.....
Рассудок, упаси ее от тлена.
Не потревожь до времени сосуд,
при помощи которого казаться
вершит над быть нескорый высший суд.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Одно поверх другого. Есть и третье —
оно поверх четвёртого сопит.
Четвёртое поверх чего, не знаю.

Последнее поверх всего лежит.

Повсюду катахрезы заправляют
(быть может, просто смятую постель),
Но солнце и мороз как день чудесный
в душе соорудили канитель.

Культурные размыты все границы:
культур где, не понять, и где муьтур.
Но мы – на небе, потому что птицы
и мы из артистических натур.

Вы сами догадаетесь: лепёшка
какая и куда с небес летит.
Но вы не правы, дорогие люди.
Глазам таким потребен аудит.

Домашнюю и всяческую утварь
упомянуть придётся в самый раз.
Ведь только в обстановке сердцевина,
а вот лепёшки с неба – то для масс.

О солнце, подскажи, в раю кто правит?
Наперсники разврата все в аду?
Покушать бы сейчас не помешало.
Покушаю и в память отойду.

Зажмурую думы, сердце и кишечник,
чтоб пищевод предать меня не смог.
И снова птицей душу кину в небо,
чтоб завершить не катахезой слог.

.....

Не беспокойтесь, я в своём рассудке,
хоть думы я зажурил до небес.
Мы есть с тобой, но можем и казаться.
...Еда нужна на ужин позарез.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

А я ведь помнил, я ведь знал,
Что трут с кресалом на исходе.
Что шестикрылый Ювенал
Как жест отсутствует в природе.

Нет ни трудов уже, ни дней
Для уточнения: третий – в баре.
И с высоты такой видней
Исход чучмы и Тройной брани.

Там хоры женщин ли, детей
Над сокрушённым взвились телом,

Чей путь и эллин, и удей
Привыкли знать своим пределом.

И незачем буравить кровь
Настурциями тяжб и жалоб:
Из наших родин, жён, стихов —
Кому там что принадлежало.

Кто он, четвёртый, кто меж нас
В том смысле волен и неточен,
Что раскавычил ложе сна,
Как будто запад развосточил;

Нам триста лет – или душа
Замрёт на «МЕНЕ-ТЕКЕЛ-ПЕРЕС»,
И – прочь, обритая, как шар,
Насквозь отправится и через.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Как жест, быть может, Ювенал
Природу не почтил рождением,
Но Серафима Бог послал
Явиться с новым откровеньем.

Тройная брань венков сплела.
Суворов многого не видит:

Как в бары жизнь перетекла,
Как Валтасар нырнул в эпитет.

Язык всяк сущий хочет знать
Своим пределом всю планету.
Иной «всяк сущий» признавать
Потребность не желает эту.

Хоть Ювенал не шестикрыл,
Через века вlepил сатирой:
Стихами родину покрыл,
А мог супруге петь под лиру.

Четвёртый лишний – змей клубок.
И даже третий – тоже лишний.
Ведь дело тонкое – Восток:
Пусть будет... Пятый – так престижней!

Четвёрке Римов не бывать!
Но Троица – природа Бога.
Не в силах Валтасар понять,
Что пробил час его убогий.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Обживаю письмом эту кафель,
Корь паркета, балконную дверь,
Сонно вдавшуюся под кайфом
Чередой пропотевших ветвей.

Это сколько ж ещё насвая
Тёмной речи из-под языка
Станет костью и мясом, пока
Я у летнего камелька
Новый адрес письмом обживаю...

– Дом, – пишу, – сколько крошек в постели!.. —
Сам на люстру кошусь. – Накажи:
Как делить твои призраки с теми,
Кто здесь жил, когда я здесь не жил?

Много ль твари живой из глины —
Я намою – ночных часов,
Прежде чем под шушуканье швов
На обоях проступят маслины
Моих собственных мертвецов?..

ВЛАДИМИР БУЕВ

Разрисую чужую квартиру,
Свой насваем набив организм.
Своему посвящаю кумиру

Я графический постмодернизм.

Я фанатик Малевича давний.
И поэтому чёрный квадрат —
На всех стенах незамысловат.
На полу – тоже будет формат.
И в сортире – подавно забавней.

Вот вам, мыслю, хозяева жизни,
Наслаждайтесь Малевичем впрок.
Все творения небескорыстны
Мне заплатят за труд, я аж взмок.

Вдруг Малевич является лично:
Со стены иль с небес снизошёл.
Свят-свят-свят, языком я наплёл.
Чур меня, закричал драматично.
...Понял вдруг: гений к гению шёл.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Из «Сюиты для голоса и слуха»

Усни пока. А ты, мой друг, послушай.
Две были женщины, а сущностей – одна.
И всякая вершина будет сущей,

когда ты у вершины, а не на...

Зачем же мы прикладываем солод
к болитвеннику звуков и часов?
Зачем опять, как раковина, согнут
слух в сторону созвездья Белых Сов?

Затем ли – чтобы выселиться разом
из тамбура на край, почти за край,
навек утратив речь, калоши, разум —
в обмен на чужий рай и каравай?..

Какие нас, ответь, толкали струи,
когда мы, точно шпаги, наголо
бросались – как стервятники, почуя
накопленное не про нас тепло?!

ВЛАДИМИР БУЕВ

Две женщины. Я подле был обеих.
Не влез верхом ни на одну из них.
Во-первых, обе оказались змеи.
Водили за́ нос – это во-вторых.

Не верите, что я, как лох, обманут?
Как оказалось, женщина одна!
Играла роли две, а я был втянут

То в жар, то в холод – где рулит шпана.

Я выселен сначала просто в тамбур,
Потом на край земли бежать пришлось.
Мой ум зашёл за разум. Дифирамбы
Как раньше петь мне женщинам моглось?

Как мог я стать стервятником с тобою
Или с тобой одной, коль ты одна?
Я шпагу наточил, живу с мечтою
Струю пустить и отомстить сполна.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Катастрофа. Из «Сюиты для голоса и слуха»

И так произойдёт, что станет лубяной
природе невдомёк душевный гомон.
Нева и Марсов чад, Таврический с Сенной
откажутся зеркалом быть и фоном.

И позабыть невмочь, как эта благодать
фасадами струилась прямо в ухо —
но только впредь душе ответствение искать
в себе самой, а не в застывших звуках.

Вот тут-то и прощай, адамова печать.
Свобода как рецепт, как фиш на блюде:
не делать ничего, что может помешать
не думать о спасении и чуде.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Пальмира Северная – это только фон?
Зерцало для хранения указов?
Державных бюрократий эталон?
Источник, как и прежде, метастазов?

Культурная столица. Питер. Всё ужель?
Петрополь. Красный Лейпциг. Город белых
Ночей. И революций трёх проклятых колыбель.
Венеция на Севере. Неспелой

Вошла Европа к нам на Русь через окно.
Пыталась тут дозреть, но не дозрела.
Не стала Русь Европою – не суждено.
Россией стала – этим уцелела.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Тема. Из «Сюиты для голоса и слуха»
Утром слова-звери притуплены.

Кто мы такие? где мы? чего мы хотим?
То ведь не ты, как выпь, ухала ночью —
вещи кричали, их люди, желанья, сны.

[Я] тоже к себе больше не отношусь.
Скорее – к перу, книге, влюблённому эху
в шаге от праха, третья строка сверху:
я вас люблю... обоих. И я бешусь.

Друг мой, позволь вытечь или открой
худшим словам лучшее назначенье.
Это сквозь нас растёт дерево отреченья.
Это такая дурная... кровь.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Словами кусаюсь я болезненно,
Если не получится выспаться ночью.
Готов разорвать всех соседей в клочья,
Собственную квартиру разбить заодно.

Я не я и чемодана не моя,
Ибо дух мой витает в стихотворении.
Жив или мёртв, не знаю – в смятении.
Строка, строфа удачны – бог мне судья.

Струйка на бумаге, вожу пером.

Кровью своей измазал все страницы.
Кто-то пусть скажет, дескать, пишу небылицы —
Познакомится с моим кровавым письмом.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Пробуждение. Из «Сюиты для голоса и слуха»

Я обращаюсь из голоса в слух.
То есть отныне я архитектура.
Лифт и кочующий лестницей пух
сумерек – суть звуковая тинктура;

древо триольное, верба-река
(и тишина была шорохокрыла);
ты, что малейший шажок стерегла
ночи – сама вместе с ней говорила.

И, как рассвет через кожную сыпь
зданий, внимая буль-буль и урчанье,
морось и чу, бормотанье и всхлип, —
ты заступила всё это звучанье.

Так не бывает, но так оно – вот.
Пристальный слух превращается в пень;
голос поэзии переживёт

бренное тело стихотворенья.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Коль не пою я, а слушать лишь стал,
знать, в композиторы лучшие вышел.
Если тинктуру в союзники взял,
значит, в другой я по профилю нише:

Медик иль, может, провизор теперь;
или в геральдике профи по краскам.
Или рванул, будто с места в карьер,
В лифт, чтоб подъезд не запомнил мой пасквиль.

Всё-таки нет! Композитор и только
Пусть музыкант, коли знаю триоль.
Ночью сумею и Мурку, и польку
На пианинке сыграть ля бемоль.

Голос и слух не застыли, как столб:
ходят друг в друга, как будто нагие.
Стих мой – как песня среди низменных толп.
Тело стиха порождает стихию.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Раз в тыщу лет открываются шлюзы.
Речь обнажает варган и зурну.
Словно дневные осадки, медузы
Солнцем возносятся в вышину.

Под ватерлинией разная живность
На иноводный манер ворожит.
Желтым песком восхищается жидкость;
Белым беспамятством – всякая жи.

Sic!.. Но покуда хоть сон, хоть монетка
За рукавом – сколь ни беден напор, —
Ты, синегубая птичка-субретка,
Душу не требуй. Таков уговор.

Слышишь, не смей!.. Не ужé, не сегодня...
О, не призри на мою немоту!
Вона: я вижу, треклятая сводня,
Рыб, каменеющих на лету, —

Там, где всплывают зубчатые стены:
Раз в тыщу лет, для меня это – тьфу!
Ни на полгода от собственной темы
Вбок. Сим явлением и жив-живу.

Вона: что зелень с мачтовых скрижалей,

Прошлое лето опять за собой
Звуки и буки в полет снаряжает,
Слог умягчая, как дедов припой.

Сим сотвориши... Ну, дай еще сутки.
(После сама же и взвоешь о мне!)
Ради тебя. Смеха. Остова шуки.
Денежки на обнажившемся дне.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Повиноваться мне больше не хочет
Речь моя, ибо язык на дыбы
Встал и чего-то себе там лопочет
В жажде до нёба достать и губы.

Гляну на воду – и дух замирает.
Я же плыву на большом корабле.
Образ медузы Горгоны пугает —
Их тут в несметном витает числе.

Да и не просто витают, а смело
К солнцу взлетают до самых лучей.
Солнцами сами становятся. Тело
Солнца не гонит соперниц взашей.

Птичкой представясь, какая-то тётка

Мне говорит: мол, хочу подработки.
Быть обещает служанкой-кокоткой.
Душу подвергла мою обработке.

Вижу анналы и вижу скрижали.
Я глубоко-глубоко под водой.
Тысячу лет от меня их скрывали —
Всплыли сейчас из пучины морской.

Так заживу. Чтоб опять возвратиться
К этим пучинам, а не к берегам,
Брошу монету (одну), разориться
Прав не имею, субретка-мадам!

Прочь о меня, прыгай в воду, субретка!
Больше не требуй души и шиши.
Плачь и рыдай, коль не знаешь, креветка,
Как написать без ошибок жи-ши!

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

И сколько ты меня ни помнишь —
Я сплю. Я спал. Я буду спать.
Твоё бессонное слепое
Пятно, как серп, как зимний плат,

Мой слух ко многому обяжет,
Но не развяжет ни пупа
Во рту, ни узелка на страже
Белянок, что не разлипа

Какое к лешему отшелье!..
Какие в вящему слова!..
Когда и вежд самих сближенье
Имеет свойство забыва
(От серых сумерек – да в греки
их нерв саднят, что маяки,
задушенные канарейки,
расхристанные хомяки.)

А как ещё речей репейник
Не расклепать, не расщепить —
Но сделать соприродным пенью
Берцовой полости, в степи
Припоминающей, как в детстве:
Извечно в лад, всегда на раз —
В рост погружалась, будто в действо
Опричь ушей, помимо глаз.

Ей спать и видеть: там, где слово
Теряет зренье, как циклоп,
Верблюдов сквозь швейную основу

Второй протискивает горб.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Я сплю, но слух мой на макушке,
Что значит вовсе там не слух?
Ну, значит, на макушке ушки.
И потому я не оглох.
Мой слух – собачий или волчий.
И нюх такой же – может всё.
Жаль, что по возрасту просрочен
И слух, и нюх, и даже взор.

Вот стал отшельником и что же?
Сидеть не сладко взаперти.
Душить домашних птиц негоже
И хомяков поизвести.
На стенку в одиночку лезешь,
На шалость всякую готов
Тут даже сам себя повесишь,
Связав верёвку из штанов.

Как только вышел ты на волю,
Репейник можешь сделать пнём,
И речь репейнику дозволить;
Речь для репейника в жильё
Оборотить, вселить в глаголы.

И ухо с глазом в унисон
Со ртом войдут, а все проколы
Забудутся, как детский сон.

В ушкó горбатому верблюду
Пролезть возможно, если он
Имеет горба два, а люду
Богатому в Эдем – пардон.

P. S. Нам не дано предугадать,
Чем слово наше отзовется.
Циклоп безглазым может стать,
Коль слова Одиссей коснется.

* * *

САНДЖАР ЯНЫШЕВ

Из всех щелей в армянских варварских землях
лезет – прёт! – наших лучших лучников, пращников
ослепившее напоследок хлопчато-белёсое семя,
набившееся под сёдла, за ворот, за щеку...
И только я один, похоже, знаю наверное:
снег – это та же евксинская сцифомедуза,
испарённая солнцем аврелия обыкновенная...
Ни один ещё грека не убежал её заливного укуса;
ни один водевиль не ограничился водными упражнения-

ми...

Значит, скоро – Та’ласса, корабли, итаки, иолки.

Восхождение к морю займёт по соседству с Плутархом не менее

девяноста локтей прошитой бумаги на чьей-нибудь полке, обладатель которой отрастит себе длинные ногти,

будет грызть заусенцы, лысеть поминутно, пить только зелёный

чай, спиртовой настой на ежевнике, «Балтику-тройку»...

и ещё креплёный мускат; отречётся однажды от рифм, а затем и вовсе обратится к свободно текущей прозе, иногда называя её

верлибром и растворяя в ней гранулы памяти; уедет по найму, разделит с

чужим народом язык, следом и веру, но с годами начнёт прислушиваться по

ночам к неторопливому течению, постукивающему изнутри перстом, точно

сельский табиб – в районе запястий и головных полюсов, – различать в

этом потоке как бы тирольский глас муэдзина, шум высококородных ручьёв,

запах прибитой из ведра пыли по вечерам над туземной частью родного

города и ещё – аромат мускусной мечети, если дождь...

И наконец,
возвращаясь (ведь это теперь не кажется столь невозмож-
ным), преодолев
бескрайнюю степь, будет плакать при виде арыков и со-
лончаков,
или этих трижды
три нами проклятых гор, но других, притворившихся об-
лачной
нерастаявшей массой, обозримой отовсюду, особенно
там,
где цветущий оазис
уже близок (вот-вот...), он сойдёт без вещей и отправится
(ишь ты!)
налегке – это будет не наш, это будет его, это будет его –
Анабасис.

ВЛАДИМИР БУЕВ

Анабасисы

Любой поход иль пешая прогулка, в которых воины или
просто люди

движутся из низменности в гористость, с морского берега
вглубь суши —

это и есть пресловутый Анабасис.

Но изначально было всё конкретней и чище (чисто кон-
кретно).

Было то, что называется «откуда есть пошла(о)».

Представим себе Понтийское море.

То Понт Аксинский, а то и Понт Эвксинский.

Не стоит только путать этот эллинский Понт/эллинские

Понты

с русскими и в целом российскими понтами.

Ведь в наших обычных понтах совсем нет кишечнополостных беспозвоночных.

Хотя (да кто же это знает!) Горгона, возможно, и имела позвонки.

Впрочем, это меня занесло на повороте. Так сказать, отвлёкся.

Итак, грек давний Ксенофонт оставил потомкам извечную проблему:

теперь биться над ней и биться веками, так и не решив.

То ль Ксенофонт сам принял участие в походе и описал весь его путь

от α до ω ,

а то ли сумел замаскироваться и выдать собственный поход

за пересказ ещё более раннего сочинения некоего Фемистогена.

Великий же Плутарх Ксенофонта и его подлог разоблачил:

свой Анабасис Ксенофонт приписал другому лишь для того,

чтобы, посмотрев на событие «со стороны», якобы соблю-

сти объективность.

Эпичное, но не этичное то было событие в античной истории.

Несколько тысяч бравых греческих наёмников пошли в услужение

персидскому царевичу-мятежнику.

Но что-то пошло не так. Они потерпели поражение на поле боя

в самом центре громадной Персидской империи.

Надо было выбираться из капкана.

Потрёпанными возвращались пешком. Лошади передохли.

Люди тоже дохли пачками.

Остатки шли, шли, шли и шли.

На обратном переходе потеряли ещё треть живой силы.

Не зря говорят, что небоевые потери в армии в определённых условиях

могут оказаться больше, чем боевые.

Остатки сладки, поэтому добрались до моря:

и до Понта Аксинского, а то Понта Эвксинского

(признаемся ближе к концу повествования,

что это один и тот же водный объект).

...Но, кроме Ксенофонта, был ещё и Анабасис Александра!

Того, кто звался Македонский.

О нём успел нам Арриан поведать.

Громил Александр персов и всех прочих, кто помельче.
Одним махом семерых побивахом.

И тоже шлялся с низменных... вернее, с низменности до
высот высоких,

а потом обратно, но не так, чтобы совсем обратно
(остановился в Вавилоне, в центре своей империи,
и оставался там до самой своей смерти).

...И был в конце концов Анабасис бравого солдата Швей-
ка,

О чём всем нам по секрету рассказал чех Гашек Ярослав.
Но нам милее Анабасис с икрой, водкой и пивком.

Тот... впрочем, не тот, а другой, то есть тот,
где есть Одиссей и жители Итаки.

Где вся Одиссея и Илиада прочитана (до дыр) и заучена
(наизусть).

Хотя было бы достаточно и просто Иолка, лежащего в глу-
бине Пагассийского залива, а не во глубине сибирских руд.

Ох уж эти белые кролики в центре серьёзного повество-
вания!

Но и они тоже нужны, ибо специально для них в верлиб-
рах

дежурят лекари-табибы.

...А самое главное, что объединяло все Анабасисы,
оставлено на конец произведения.

Общим у всех было то, что воины,
выжившие после всех этих походов (и греки, и Швейк)

в конце своей жизни, уже находясь на пенсии,
пили пиво и слушали/вспоминали парижского муэдзина.
Все, как один, пили и вспоминали.
...Напиться, забыться, покачаться на волнах памяти,
чтобы поутру проснуться свежим и здоровым.